

* * *

Вот опять что-то зашуршало. Мне кажется, или в мире вдруг сразу стало столько шорохов? Может быть, это потому, что я все больше сижу дома, а раньше мы гуляли. Теперь дом словно живой, а Вики нет. После ее смерти мне мерещится всякое: то тень промелькнет, то собачий хвост из-за угла покажется, то как будто во дворе кто-то косточку грызет... Но в будке, которую уже порядком замело снегом, никого нет. Вика, как же так? Скоро Новый год, а тебя нет...

* * *

Вот я и умерла. Еще вчера мне было очень больно и плохо, а сегодня вроде и не болит ничего. И ничего не надо...

У меня на самом деле веселая и интересная жизнь была. У меня было много хозяев. Двое из них меня предали: первые взяли меня щенком, но когда поняли, что я вырастаю в здоровенную псину (это они так говорили), отдали меня в этот дом на цепь. Второй хозяин меня хорошо кормил, не обижал. Сердился только, если я по ночам гавкала просто так. Потом второй хозяин продал дом, получается, вместе со мной.

Но последние хозяева оставались со мной до конца. Я до сих пор помню наше первое знакомство. Хозяин – тот, второй, – выносит вещи из дома, складывает их в машину, а потом просто хлопает калиткой и уезжает. Я сразу поняла, что он не вернется. Весь день я проплакала у себя в будке. На следующий день приехали незнакомые мне люди с коробками. «Может, они вернут мне хозяина?» – с надеждой подумала я. Но нет, не вернули. В этих коробках были их вещи, запах от них был чужой, но хороший. Я вышла к ним, все начали улыбаться и ласкать меня. Но мне было страшно. Они мне никто, где мой хозяин?

* * *

Вика была такая смешная. Мама говорила: «Не суй в будку руки, вдруг цапнет. Чужая собака, кто знает, что у нее на уме. Плохая была идея – покупать дом вместе с собакой». Папа ей отвечал: «Но дом-то хороший. Вика в нем сто лет прожила. Получается, нам дом оставили вместе с хранителем».

И правда. На прежнем месте с нами чего только не случилось, один раз даже пожар был. Папа пришел со смены, поставил себе варить пельмени и прилег. Проснулся уже от пожарных за дверью. А в новом доме как-то все сразу задалось. Новая школа, нормальный класс. Под яблоней скамейка, можно летом с друзьями сидеть. Главное, не шуметь. А мы и не шумели, сосиски жарили. Давали Вике.

* * *

За первое лето я вроде привыкла к ним. У новых людей есть два ребенка, но один, который постарше, никак мне не давал покоя. Зовут ее Даша. Не знаю, что со мной происходило, но, когда она просила, я по команде давала ей лапу. Раньше меня не просили такое делать, но мне ведь за это лакомства теперь дают – кусочек сосиски.

Было дело, однажды украла курицу и принесла ее гордо домой. Новый взрослый хозяин сказал мне так больше не делать, и все. Тот бы, прежний, стукнул бы меня чем-нибудь. А этот только пальцем погрозил. Но курица все равно была вкусная, это вам не каша с костями.

Новую взрослую хозяйку зовут Наташа. Она, не знаю как, сама догадалась, где меня лучше гладить. Она купила мне такую штуку, чтобы меня чесать. После зимы очень приятно, когда чешут, – старая шерсть сходит прямо клочьями, самой страшно на свои бока смотреть. Но приходит Наташа с этой штукой – чешет, болтает о чем-то и говорит, что вот теперь я красавица.

Однажды они даже решили меня сфотографировать. Не думаю, что кого-то из собак на привязи с нашей улицы когда-то фотографировали. Мелких – тех да. Приезжали к моим хозяевам гости с таким собачьим недоразумением. Лапки тоненькие, голосок писклявый, характер вредный. И моя хозяйка с нею как только не фотографировалась: и так, и на ручку возьмут, и на коленочки посадят.

Но зато у меня есть Дашка. Она моя свобода. Когда мы с Дашей сдружились и когда взрослые хозяева поняли, что я их детям ничего плохого не сделаю, стали разрешать Даше со мной гулять.

Даша отстегивала цепь, пристегивала мне поводок, клала в карман пакетик с едой – для меня, и мы шли в рошу. Там поводок мне отстегивала, и я могла бегать! Много-много бегать! Я научилась прыгать через Дашину ногу. Даша говорила, что я способная, могла бы в полиции служить: она прячет свою перчатку, а я ее нахожу. Она же Дашей пахнет, и дурак найдет. Как же она теперь без меня?

Плохо ей без меня. Гулять не ходит, дома сидит. Раньше плакала, теперь молчит. А ведь зима, снег – самая гулятельная погода. Пошла бы ты, Даша, в нашу рошу, побегала бы там. Я, когда бегала, всегда радостная была – будто я снова щенок.

Я с ней пойти теперь не могу. Я чувствую, что если выйду за нашу калитку, то я улечу куда-то, домой не вернусь. Чудеса! Я теперь внутри дома, а не снаружи, хотя раньше взрослые хозяева не разрешали в него заходить. Если честно, дом я теперь так себе охраняю – я лаю, а меня не слышат, толку нет от меня. Ну, мышшь шугануть могу, занавеска может качнуться, если я рядом пробегу, и все. А что вы хотите от старой мертвой собаки?

Без Вики совсем не то. Мама спрашивает, хочу ли я новую собаку. Давай, предлагает, щенка от Шарлиз возьмем. Шарлиз – это собака ее подруги, йорк. Миленькая, конечно. Но.. Вика была простая, как я. А Шарлиз – гламурная собачка. Я такую не хочу.

Нет, я пока не могу взять этого щенка. Если возьму йорка, предам и Вику, и всех простых дворняг, у которых и ума больше, и сердце доброе. Как мороженое у Сережки выпрашивала! Как огурцы наши на грядках поедала! С папой в гараж ходила – ляжет на пороге и смотрит, что он там делает. Господи, разве я смогу после большой, сильной, верной Вики полюбить это маленькое собачье недоразумение?!

Примерно за год до моей смерти я заболела. Мне было очень больно, я стала много ворчать на хозяев. Они меня понимали и не ругали, а, наоборот, старались помочь мне. Позже я перестала хотеть прыгать и бегать. Но я все равно

старалась играть с Дашей, потому что она больше всех любила меня. Даша могла сделать так, что я на время забывала о боли. Просто смотрю на Дашу, слушаю ее, и мне не больно. Но потом больно опять.

Примерно за две недели до того, как я уснула и не проснулась, у меня пропал аппетит. А за неделю мне стало понятно, что мои хозяева скоро останутся без меня. Я почти перестала выходить из будки: сил не было, да и пугать их не хотелось. Боль почти ушла. Даша каждый день заглядывала ко мне в будку. Не забуду ее руку, которую она просовывает, чтобы погладить мою морду, потом рука исчезает, потом опять возвращается, теперь уже вся мокрая и соленая.

И вот в воскресенье я умерла. В этот день Даша ко мне не заглядывала. Ей потом сказали. Он меня вывез в рошу, где мы с Дашей гуляли, и закопал. Когда он уходил, я вылезла и за ним побежала домой, зачем мне в яме лежать? Против всяких правил я забежала в дом вслед за папой, дверь закрылась, и вот теперь я сижу в доме. Меня будто никто не видит. Хожу по дому, никто не замечает...

Иногда развлекаю Дашу – бегаю туда-сюда, что я еще могу, занавески шевелить. Мама говорит, что в доме домовый завелся. Ха!

Недавно в доме стали к празднику какому-то готовиться. Мама говорит про подарок, Даша кричит ей о том, что не нужно ей подарка. А я словно ее мысли вижу – а там, в ее мыслях, только я. Даш, бери подарок, подарки вкусные, подарки хорошие. Я уверена, ты будешь рада!

* * *

Мама все-таки подарила мне щенка от Шарлиз. Зовут Фокси. После Виктории – и Фокси. Пол скрипнет – этот веник уже лает своим писклявым голосочком, аж в ушах закладывает. Уроки делаю в больших наушниках.

Шмокси, фу! Да хватит уже орать!!! Сколько можно!

* * *

Зачем меня взяли в этот дом? Здесь уже есть одна большая и сердитая собака. Она меня пугает. Она рычит, стучит хвостом. Я пыталась прыгнуть на нее и словно прошла сквозь облако. Мне страшно здесь! Я к маме хочу!

* * *

Ей подарили собаку! Как так? Я ведь ее собака!!! Я зла от того, что у них теперь новый питомец. Я начала бить их посуду, кидать резко вещи. Все пугаются, но делают вид, что не замечают. Зовут нового питомца Фокси.

Странное дело: она немного похожа на меня, хоть и маленькая. Ну а что? Тоже ведь собака – зубы, уши, лапы, хвост, все в наличии. Сначала я на нее ходила злилась. Потом, слышу, плачет ночью в своей лежанке. Дай, думаю, спросу – может, надо ей чего. А она и говорит мне: «Это теперь мой дом, все хозяева теперь мои». И что я ненастоящая собака, потому что она проходит сквозь меня, как через облако. Проходит она... И когда только успела, я даже не заметила.

Однажды Даша пришла из школы, и эта собака кинулась ее встречать. Даша присела, руку протянула – вроде как погладить хочет, но не решается. Да погладь уже ее! Этому венику пара месяцев от роду, она еще к мамке просится. Хоть ты ее пожалей. Даша как будто услышала, руку опустила и погладила Фокси. А та на спинку упала, пузико подставила.

За это ее и простить можно. Я не злая, просто свой дом и свою Дашу не хотела отдавать. Но теперь вижу, что это не самовлюбленное нечто, а добрый славный щеник, пусть живет, Дашу радует. А я дом посторожу.

* * *

Удивительное дело, но Фокси добилась своего – заберется ко мне в ноги и сидит, пока я сплю. Я взяла свою старую сумку, посадила ее туда, чтобы не замерзла, и мы пошли в нашу с Викой рощу. Папа давно мне показал место, где она лежит. Часто теперь туда прихожу. Стою и плачу. Голова Фокси торчит из сумки. Наклонилась к ней, чтобы проверить, не дрожит ли. А она меня взяла и в щеку лизнула. Надо впустить в свою жизнь новую собачью душу, раз уж старую не вернешь... Мне кажется, Вика будет не против.

* * *

Сегодня Даша ушла с этой собакой куда-то. Их долго не было. Я выбежала на улицу и подумала о том, что надо бежать в рощу. Но понимаю, что в дом я тогда больше не вернусь. Терять мне нечего, сбегая в рощу. Прибегаю, а она стоит у места, где меня закопать хотели, и плачет. А Фокси лижет ей лицо. И тут я понимаю – Дашка в надежных лапах. И я могу идти отмечать собачий Новый год на собачью радугу. Дом теперь тоже в надежных лапах.

Все, могу идти. Меня давно звали. Ну те, которые на радуге уже. Новый год зовут отмечать. Черныш с пятого двора, рыжий Босс и хромая Найда. Я дом и Дашу теперь пристроила – вперед. Ну, пока! Служи там хорошо, венник, гоняй чернявого, гуляй с Дашей, ей полезно. Лижу ваши нос и щеки, Вика.